ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080011104-1

АВСТРИЙСКИЕ ПИОНЕРЫ ЮЖНОАРАВИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: НАУКА, ПОЛИТИКА, РАЗВЕДКА[1]

©2020

В.В. НАУМКИН [a]

[a] – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9644-9862; SCOPUS: 57193514428; director@ivran.ru

Резюме: *В данной статье, которая продолжает опубликованную в № 4 «Востока», рассматривается роль наиболее ярких представителей классической австрийской школы южноаравийских исследований конца XIX – начала XX в., в первую очередь – в изучении современных южноаравийских языков. На этот раз речь идет о таких коллегах Д.Г. Мюллера, как Вильгельм Хайн (1861–1903), Алоис Мусил (1868–1944) и Эдуард Глазер (1855–1908). Показано, каким образом личные отношения между учеными помогали или, наоборот, мешали им в работе. Выявлена также тесная связь ряда ученых с политикой, в которую они в той или иной степени были вовлечены, периодически выполняя весьма деликатные поручения своих, а порой и чужих правительств. Так, А. Мусил во время Первой мировой войны по заданию австрийского правительства старался предотвратить восстания арабских племен против союзной Габсбургам Османской империи. В научный оборот вводятся два секретных письма Э. Глазера российскому министру иностранных дел М.Н. Муравьёву от ноября 1898 г., в которых он просил российских дипломатов убедить турецкие власти не пропустить экспедицию Д.Г. Мюллера (о ней шла речь в предыдущей статье) в охваченные восстанием районы Южной Аравии, поскольку для экспедиции это – верная гибель, которая, по его словам, стала бы для Англии удобным предлогом, чтобы отнять соответствующие территории у Османской империи.*

Ключевые слова: современные южноаравийские языки, Д.Г. Мюллер, Эдуард Глазер, Алоис Мусил, Австро-Венгерская империя, экспедиция, махри, сокотри, надписи, австрийская Императорская академия наук.

Для цитирования: Наумкин В.В. Австрийские пионеры южноаравийских исследований: наука, политика, разведка. *Восток (Oriens)*. 2020. № 5. С. 225–242. DOI: 10.31857/S086919080011104-1

AUSTRIAN PIONEERS OF SOUTH ARABIAN STUDIES: SCIENCE, POLITICS, INTELLIGENCE

©2020

Vitaly V. NAUMKIN [a]

[a] – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9644-9862; SCOPUS: 57193514428; director@ivran.ru

[1] Эта статья продолжает опубликованную в предыдущем номере журнала [Наумкин, 2020]. Автор выражает искреннюю благодарность г-ну Томасу Хофману, руководителю Библиотечно-архивно-издательского отделения Федерального геологического ведомства Австрии (Hr. Mag. Thomas Hofmann, Leiter der Fochabteilung Bibliotek, Verlag, Archive, Geologische Bundesanstalt, Wien) за согласие использовать в статье фотографии из архива ведомства.

Abstract: *This article, as a follow-up on the one published in the Orient Journal No. 4, contemplates the role of the most eminent representatives of the Classical Austrian School of South Arabian Studies pertinent to the late 19th – early 20th centuries, primarily concerning the studies of modern South Arabian languages. This time we take up such colleagues of David Heinrich Müller as Wilhelm Hein (1861–1903), Alois Musil (1868–1944) and Eduard Glaser (1855–1908). It is shown how the personal relations among the scholars helped them or, on the contrary, made it difficult for them to carry out their work. Also, it is revealed that some scholars were closely associated with politics, in which they were involved in various degrees, while being entrusted with very sensitive assignments from their own, and sometimes even foreign governments. Thus, during the First World War, Alois Musil, acting under the instruction of the Austrian government, tried to thwart the rebellion of Arab tribes against the Ottoman Empire, allied with the Habsburgs. Hereby, we bring into scientific discourse two secret letters written by Eduard Glaser to the Russian Minister of Foreign Affairs Count Mikhail Nikolayevich Muravyov dd. November, 1898, where he asked the Russian diplomats to convince the Turkish authorities of the appropriateness to allow the expedition headed by David Heinrich Müeller (we dwelt on this expedition in our previous article) to reach the South Arabian regions convulsed with the rebellion, as it would mean total loss and destruction to the expedition, which would constitute a convenient excuse for Britain to take away the relevant territories from the Ottoman Empire, as he said.*

Keywords: modern South Arabian languages, David H. Müller, Eduard Glaser, Alois Musil, Austro-Hungarian Empire, expedition, Mahri, Soqotri, inscriptions, Austrian Imperial Academy of Sciences.

For citation: Naumkin V.V. Austrian Pioneers of South Arabian Studies: Science, Politics, Intelligence. *Vostok (Oriens).* 2020. No. 5. Pp. 225–242. DOI: 10.31857/S086919080011104-1

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ МЮЛЛЕРА И ЕГО КОЛЛЕГ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Оказавшись в длительной командировке в Народной Демократической Республике Йемен в начале 1970-х гг., я заинтересовался местными диалектами арабского языка и живыми южноаравийскими языками, в первую очередь – сокотрийским. В 1974 г. ценой невероятных усилий и благодаря дружеским связям в южнойеменском руководстве, с которым я работал, мне удалось получить разрешение провести некоторое время на о. Сокотра, который был тогда закрытой частью территории страны. Там я начал изучать сокотрийский, собирать и записывать с предварительной расшифровкой тексты, преимущественно фольклорного характера, а также обследовать остров, фиксировать на карте археологические памятники, изучать нравы и обычаи сокотрийцев. Словарь Леслау [Leslau, 1938] и книги Д.Г. Мюллера помогали мне в этой трудной работе. Работа продолжилась в Адене, а затем во время второй поездки на остров в 1976 г. После возвращения в Москву были написаны первые работы по Сокотре, в том числе «Очерки этнолингвистики Сокотры» в соавторстве с моим старым другом по Институту стран Азии и Африки МГУ Виктором Яковлевичем Порхомовским [Наумкин, Порхомовский, 1981]. Нами также была опубликована серия докладов на Аравийском семинаре в Великобритании, который каждое лето собирает ученых разных специальностей, занимающихся Аравией. На этом же семинаре мне довелось слушать доклад об австрийских исследователях Южной Аравии [Bury, 1983].

Новый этап сокотрийских исследований начался в 1983 г., когда Академия наук СССР организовала Советско-Йеменскую комплексную экспедицию (с 1991 г. – Российскую), в которой я возглавил сокотрийский отряд, занявшийся археологическими, этнологическими и лингвистическими изысканиями на острове. Руководителями всей экспедиции, основная группа которой вела исследования в Хадрамауте, были покойный Петр Афанасьевич

Грязневич, затем Михаил Борисович Пиотровский и, в последний период (вплоть до 2013 г., когда работать в Йемене уже стало невозможным из-за войны), – Александр Всеволодович Седов. В течение этих лет российские археологи и эпиграфисты сделали важнейшие для южноаравийских исследований открытия, нашедшие отражение в их многочисленных трудах. Что же касается результатов нашей с коллегами полевой работы того периода на Сокотре, то они были обобщены и опубликованы в моей монографии [Наумкин, 2012].

Во время этих полевых сезонов продолжались сбор и фиксация текстов и изучение сокотрийского языка. После некоторого перерыва исследования возобновились, но настоящий прорыв произошел с приходом в сокотрийскую филологию в 2010 г. талантливого молодого семитолога и арабиста удивительной одержимости наукой, настоящего подвижника сокотрийских исследований Леонида Ефимовича Когана и группы его также молодых коллег, в первую очередь – Дмитрия Валерьевича Черкашина и Марии Степановны Булах (позднее к нам присоединилась Екатерина Юльевна Визирова). С ними мы составили команду и развернули активную работу как в ходе возобновившихся ежегодных полевых сезонов на острове, продолжающихся и сегодня, так и с информантами, которых нам периодически удавалось привозить в Москву. Это были ставшие нашими постоянными соавторами ʻИса Гумʻан Даʻрхи и Ахмад ʻИса Даʻрхи, оба из племени даʻрхо, обитающего в центральной части острова в районе, избранном нами в качестве эталонного, где я впервые побывал в 1974 г. В результате мы опубликовали несколько фундаментальных трудов, в том числе два тома «Корпуса сокотрийской устной литературы» (третий готовится к публикации) [Naumkin et al, 2014; 2018]. В сотрудничестве с сокотрийскими коллегами нам удалось на основе арабской письменности создать такую систему записи сокотрийских текстов, которая оказалась понятна знающим арабский язык сокотрийцам и была ими одобрена. Эта система использована нами в вышеназванных трудах.

Но вернемся к австрийцам, которым посвящена наша статья. До того момента, когда российские ученые начали свою работу в Йемене и в Москве, на протяжении многих десятилетий публикация сокотрийских фольклорных текстов оставалась заслугой единственного исследователя – Мюллера [Müller, 1902; 1905; 1907][2].

Наибольший интерес сегодня для нас представляет текстовое собрание, изданное в 1905 г. и записанное из уст чрезвычайно талантливого информанта, сокотрийца ʻАли ʻАмера ан-Набхани, которого Мюллеру удалось «выписать» на несколько месяцев с Сокотры в Вену в 1902 и в 1904 гг. Это издание было и остается настольным пособием для любого исследователя, интересующегося и занимающегося языком и фольклором сокотрийцев. Другой прибывший вместе с ʻАли в Вену в 1904 г. информант, горец из Дофара (Оман) Мухаммад бин Салим, обеспечивал текстовый материал по языку шахри (шхаури, или джиббали), который записывал и расшифровал профессор Родоканакис (о нем см. [Наумкин, 2020, с. 216]). Мухаммад, пробывший в Вене с мая по сентябрь, до этого работал в горах Дофара сборщиком ладана и одинаково хорошо говорил на дофарском диалекте арабского языка и на шахри. Расшифровка текстов, вероятно, шла через дофарский диалект, который отлично знал Родоканакис, благодаря чему Мюллер сумел записать новые тексты для последнего тома трудов экспедиции [Müller, 1907] и опубликовать их параллельно на четырех языках: шахри, махри, сокотри и хадрамаутском арабском. Первые десять текстов на махрийском и хадрамаутском арабском были взяты из коллекции доктора Вильгельма Хайна (см. о нем далее) вместе с переводом на немецкий и замечаниями к ним,

[2] О нем см. предыдущую статью [Наумкин, 2020], а также доступную в Интернете диссертацию Г. Штурм, позднее переизданную в виде книги, из которой почерпнуто большинство приведенных в статье фактов [Sturm, 2011; 2015]. При подготовке нашей статьи также использованы материалы из таких фундаментальных справочных изданий, как «Österreichisches Biographisches Lexikon» (http://www.biographien.ac.at/oebl?frames=yes) и «Neue Deutsche Biographie» (https://www.deutsche-biographie.de).

а их версии на шахри и сокотри озвучены двумя приехавшими в Вену информантами. Книга 1907 г. сравнительно невелика по объему и посвящена, главным образом, языку шахри (шхаури, джиббали). Содержащиеся в ней сокотрийские тексты являются переводами с шахри, махри или арабских диалектов и самостоятельного значения с точки зрения фольклористики не имеют.

Книга 1902 г., материалы для которой Мюллер собирал непосредственно на острове во время Австрийской южноаравийской экспедиции (1898–1899), для изучения сокотрийского языка также имеет не очень большое значение как в силу ограниченного объема, так и в связи с тем, что познания Мюллера в области сокотрийского языка на тот момент были еще очень поверхностными. Кроме того, значительная часть собранных в ней текстов является переводами с арабского или махри. Огромное значение имеют, однако, глубоко архаичные поэтические фрагменты, записанные Мюллером непосредственно из уст бедуинов – обитателей внутренних районов Сокотры. В этой книге содержится также единственный опубликованный текст на диалекте острова Абд-эль-Кури. Бедуинские тексты, часть из которых явно была древними мифами, родовыми преданиями, заклинаниями и легендами, представляли для нас особый интерес в сравнительно-историческом плане. Как выяснилось, многие из этих транслируемых из поколения в поколение текстов и сегодня сохраняют свой первозданный вид. Не менее значимы фольклорные сюжеты, обнаруживающие параллели с теми, что встречаются в целом ряде других культур, в том числе и у народов весьма далеких от Сокотры (см. [Berezkin et al, 2016]). В 1902 г. в ходе предварительного знакомства с небольшим количеством образцов сокотрийского и махрийского фольклора Мюллер сумел создать ряд оригинальных сравнительно-типологических эссе, в которых проанализировал параллели к мотивам и сюжетам южноаравийских фольклорных текстов в устных народных традициях Востока и Запада [Müller, 1902, S. 188–225; 1907, S. 159–165].

Немалым достижением «патриарха» исследования живых южноаравийских языков на Западе стал перевод на эти языки отдельных частей Библии, выполненный двумя вышеупомянутыми информантами. Недавно увидевшая свет блестящая статья Л.Е. Когана о литературных параллелях между текстом Библии и устным сокотрийским фольклором, позволяет достаточно полно оценить значение этого вклада Мюллера [Kogan, 2020]. Источником для информантов в работе над переводами послужил арабский текст Библии. Как отмечает Коган, почти все тексты были переведены на сокотрийский ан-Набхани во время его приездов в Вену в 1902 и в 1904 гг., и только Книга Руфи переводилась непосредственно на Сокотре в ходе работы экспедиции в 1899 г. другим информантом, Селимом бин Сулейманом [Kogan, 2020, p. 247]. Вспоминаю, что именно переводы из Библии на сокотрийский привлекли мое внимание, когда я в 1974 г. во время подготовки к первой поездке на остров познакомился в Национальной библиотеке в Адене с трудами Мюллера.

Огромный интерес для исследователей сокотрийского языка представляют ценнейшие фонографические записи сокотрийской поэзии, сделанные Мюллером в 1902 г. в Вене в ходе работы с его вышеупомянутым информантом ан-Набхани. Коллекция этих записей была обнаружена Розвитой Штигнер и Гебхардом Зельцем в 2009 г. в архиве фонограмм («звуковом архиве») Австрийской академии наук. Во время визита в Академию в октябре 2011 г. Л.Е. Коган связался с хранителем Архива д-ром Гердой Лехляйтер, которая выразила интерес к возможности комментированной расшифровки и публикации этих материалов. С ее разрешения Коган скопировал файлы и через несколько недель привез их на Сокотру, где мы проводили очередной полевой сезон. Наши постоянные сокотрийские информанты ‘Иса и Ахмад вместе с российскими членами экспедиции (автором этих строк, Коганом и Черкашиным) начали работу по ревитализации этих записей, которая была продолжена во время пребывания информантов в Москве во время летних сезонов 2012–2014 гг. Успеху работы способствовало то, что записи оказались в целом понятны современным сокотрийцам. Расшифрованные тексты вместе с

переводом на английский, глоссарием, комментариями и аннотациями были опубликованы в 2015 г. в издательстве Oxford University Press [Naumkin et al, 2015].

Рассказ об австрийских исследователях Южной Аравии был бы неполным без упоминания Вильгельма Хайна (Wilhelm Hein, 1861–1903).

Вильгельму с детства была присуща необычайная страсть к исследованиям, которую в мальчике всячески поддерживали его старшие братья и сестры. В десятилетнем возрасте он немало удивил родителей и учителя, выразив желание отправиться в путешествие в Сану. К этой цели он готовился физически и психологически, выработав у себя поистине железную волю, еще гимназистом стал посещать в качестве вольнослушателя занятия в Венском университете, в том числе лекции по арабскому языку Д.Г. Мюллера, который впоследствии оказал ему всяческую поддержку. После окончания гимназии Хайн продолжил изучать арабский язык, посещал семинары по географии и истории, слушал лекции по этнографии. Его основные интересы по-прежнему были связаны с Южной Аравией, но денег для реализации своих планов у него не было. В 1887 г. Хайн стал внештатным сотрудником антропологического и этнографического отдела Музея естественной истории, в 1901 г. прошел процедуру хабилитации по общей этнографии (диссертацию он защитил еще в 1885 г.) и получил должность приват-доцента в Венском университете. Помимо качеств вдумчивого исследователя он обладал большими организаторскими способностями, привлекая к своим проектам коллег.

Особую роль в карьере ученого сыграла его жена Мари, которая была ему верной подругой и сподвижником. Супруги тесно сотрудничали с Мюллером. Так, Мари участвовала в составлении указателей ко второму тому географии аль-Хамдани, а также редактировала издание махрийских текстов, записанных Мюллером в ходе работы экспедиции. Академик не переставал уговаривать Хайна заняться серьезной научной деятельностью, используя свои обширные познания в востоковедении и этнографии, и тому при поддержке Императорской академии наук все-таки удалось собрать необходимые средства для экспедиции в Йемен.

В 1901 г. Императорская АН отправила Вильгельма и Мари Хайн с рекомендательными письмами от министерства культуры, Музея естественной истории и Антропологического общества в исследовательскую поездку в Южную Аравию. От этих учреждений супруги Хайн получили многочисленные поручения. Во-первых, по предложению Мюллера, Вильгельм должен был продолжить исследование современных южноаравийских языков, начатое Южноаравийской экспедицией. Во-вторых, супругам предстояло найти и переправить в Вену носителей языков махри, шахри/джиббали и сокотри. В-третьих, помимо этнографических исследований они должны были собирать фотографический архив, вести путевые записки и статистические отчеты. В их задачи входило также создание ботанических, зоологических и этнографических коллекций, приобретение рукописей.

1 декабря 1901 г. супруги оставили Вену и 14 декабря прибыли в Аден. Благодаря помощи германского консула и английского политического резидента, имея на руках рекомендательное письмо к султану Махры и Сокотры, им удалось на пароходе, предоставленном британским правительством, попасть в столицу султаната – город Кишн. Но там практически сразу же между султаном и Хайном начали возникать конфликты: султан, а потом и шейх важного племени гидхи, постоянно требовали от ученых различных выплат, на что Хайн не мог согласиться. В ответ те стали ограничивать свободу передвижения Хайнов, а скоро они вообще оказались в ловушке, живя в неприемлемых условиях и не имея возможности вести поиск информантов. Атмосфера накалилась до передела, и лишь появление британского корабля «Майо» помогло ученым благополучно вернуться в Аден.

Но им все же удалось добиться внушительных результатов в Кишне. Так, Хайн записал около 200 текстов на западном /кишнском/ диалекте махри, которые до сих пор остаются

единственным источником информации об этом диалекте, существенно отличающемся от центральных и восточных диалектов махрийского. Кроме того, по возвращении в Аден Хайны прожили три недели в небольшом местечке недалеко от города, где им удалось провести ряд важных этнографических и лингвистических исследований. Именно здесь им улыбнулась удача найти двух отличных информантов по сокотри и махри/джиббали, в сотрудничестве с которыми Мюллер затем создал свои шедевры филологического и лингвистического описания этих языков и фольклорных традиций их носителей. Мари занималась формированием коллекций рыб, ящериц, птиц, растений и многих других объектов флоры и фауны.

19 мая 1902 г. супруги в сопровождении двух местных информантов вернулись в Вену. Но здесь здоровье Вильгельма стало быстро ухудшаться. Первоначально ему поставили диагноз «отравление из-за вдыхания вредных веществ при инвентаризации этнографических коллекций», однако после смерти было установлено, что Хайн страдал от так называемой бронзовой болезни (или болезни Аддисона). Он скончался 19 ноября 1903 г.

После безвременной кончины Хайна Мари получила должность в Музее естественной истории, где стала заниматься хранением и классификацией материалов из собранных ими коллекций [Sturm, 2011, S. 101–105].

Экспедиция Мюллера (1898–1899), о которой подробно рассказано в нашей предыдущей статье [Наумкин, 2020], оставила большой архив фотографий, сделанных на Сокотре и на континенте. Знакомство с опубликованной Штурм частью из них оставило впечатление некоторой неполноты: там много пейзажей и мало людей, что, возможно, отражало преимущественно природоведческий интерес фотографа, в роли которого выступал в основном Оскар Симони. Кстати, когда спустя более чем полвека, в 1956 г. на острове побывала экспедиция из Оксфорда (в ее составе, к сожалению, не было лингвистов), им удалось отснять гораздо больше интересного материала, в том числе на кинокамеру. Первый в истории черно-белый, очень неважного качества фильм о Сокотре был сделан по заказу Би-Би-Си участником экспедиции, известным телеведущим, путешественником и исследователем всякого рода затерянных уголков земли Дугласом Боттингом (Douglas Botting, 1934–2018), который в 1980-е гг. во время нашей первой встречи подарил мне его копию, и сейчас хранящуюся в моем архиве.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ

Не стоит думать, что в отношениях между талантливыми австрийскими и связанными с австрийской школой арабистами и семитологами, которые были отличными «полевиками», собрали уникальный материал и внесли большой вклад в науку, всегда царили интриги, переходящее рамки приличий соперничество и личная неприязнь. Были и теплые отношения между учителями и учениками, а также коллегами.

Замечательный чешский исследователь Алоис Мусил принадлежал к более молодому поколению ученых, нежели Мюллер и Ландберг. Не будучи учеником Мюллера, он пользовался его покровительством. В свою очередь, австрийский профессор использовал те материалы, которые привозил из своих поездок молодой чешский арабист. В течение трех лет они были коллегами по Венскому университету: Мусил занимал там должность профессора библеистики и арабского языка с 1909 по 1920 г. Их объединяла также совместная работа в комиссии по Северной Аравии при Австрийской императорской академии наук. Мусил, относившийся к Мюллеру как к признанному мэтру, умудрился не поссориться с ним, как некоторые другие коллеги. Скорее всего это объясняется тем, что их научные интересы не совпадали, и повода для соперничества не было.

Алоис родился в 1868 г. в католической семье в Рихтердорфе в Моравии. Вопреки воле родителей стал учиться в гимназии и решил стать священником. Чтение Ветхого Завета пробудило в нем интерес к древнееврейскому языку. После рукоположения в 1891 г. он

преподавал религию в Остраве, защитил докторскую диссертации по теологии в университете Оломоуца (Ольмюца). После этого ему был предоставлен двухгодичный отпуск и стипендия в Библейской школе в Иерусалиме, где он посвятил большую часть своего времени глубокому изучению арабского языка. А знакомство с городом и его окрестностями в ходе поездок, организуемых школой, пробудило в нем интерес к Палестине и ее людям.

«Он понял, как важно иметь представление о сложившемся укладе жизни в Палестине для понимания таких вещей, как духовная жизнь, экономическое состояние и контакты между представителями разных народов, – пишет Штурм, – вещей, понять которые можно лишь увидев их собственными глазами» [Sturm, 2011, S. 106].

Постепенно Мусил начал зарисовывать и собирать различные предметы традиционного быта местного населения и установил контакт с арабскими племенами. Но путешествия в компании его тяготили, и вскоре он начал готовиться к поездке в Трансиорданию, которую намеревался совершить в одиночку. Ему удалось добраться до Петры, древней столицы Набатейского царства, откуда он привез многочисленные записи, эскизы и фотографии, а также археологические, эпиграфические и фольклорные коллекции. Получив еще одну стипендию, Мусил продолжил свое образование в университете Бейрута. Он посетил Пальмиру, откуда привез копии надписей и другие материалы. Именно это свело его с Мюллером, приступившим к исследованию некоторых найденных им надписей. Профессора обычно активно использовали в своей научной работе полевые материалы, доставляемые молодыми учеными из путешествий, что, в свою очередь, помогало научной карьере последних. Не случайно в 1898 г. языковая комиссия Академии наук одобрила выделение средств на полноценную экспедицию Мусила в Аравию с тем условием, что он должен будет предоставить Академии найденные материалы и отчет о путешествии.

У Мусила был чрезвычайно амбициозный план: найти «пустынные крепости» (Wüstenschlösser), о которых он много слышал во время своих путешествий. Известие о его первом открытии – крепости Кусайр-'Амра[3] – было воспринято в Европе с долей сомнения: существование такого замка (с настенными изображениями и ювелирными изделиями времен Омейядов) представлялось невозможным. Несмотря на скептический настрой коллег, Мюллер высказался за то, чтобы продолжать исследования этого объекта.

В 1900 г. Мусилу наконец удалось тщательно изучить замок и привести в Европу чертежи, слепки и фотографии. Эти исследования он продолжил год спустя при участии художника Миелича, задача которого состояла в копировании фресок. Благодаря этому сенсационному открытию Мусил получил профессуру в Ольмюце.

19 февраля 1902 г. Австрийской императорской академией наук была создана специальная комиссия, получившая название «Северноаравийской». В ее состав входил в том числе Мюллер. Комиссия поддерживала дальнейшие исследования Мусила и способствовала успеху его поездок. Мюллер неоднократно высказывался о деятельности чешского ученого в чрезвычайно лестной форме, а в 1906 г. добился того, что Мусил стал членом-корреспондентом Академии. Мюллер писал: «Профессор Мусил известен Императорской академии наук своими исследованиями и открытиями в Каменистой Аравии (Arabia Petraea). Будучи смелым путешественником и добросовестным и точным наблюдателем, он может по праву считаться одним из самых значимых путешественников на Восток наряду с Буркхардтом[4] и Даути[5]» [Sturm, 2011, S. 107].

---

[3] Замок эпохи Омейядов (ок. 710) в 85 км к востоку от Аммана (Иордания), включен в список Всемирного наследия. https://bigenc.ru/fine_art/text/2123426

[4] Буркхардт, Иоганн Людвиг (Burkhardt, Johannes Ludwig, 1784–1817) – известный швейцарский арабист-востоковед и путешественник, совершивший путешествия в Аравию и другие области Ближнего Востока под именем Ибрагима бин Абдаллы.

[5] Даути, Чарлз Монтегю (Doughty, Charles Montagu, 1843–1926) – знаменитый британский исследователь Аравии, путешественник и поэт. Получил известность благодаря труду «Travels in Arabia Deserta» (1888).

В 1909–1920 гг. Мусил читал в Венском университете курсы по библеистике и арабскому языку. В Вене ученый снискал уважение со стороны церкви, университетской корпорации и двора. Он писал свои труды на чешском и немецком языках. В 1916–1917 гг. Мусил был деканом факультета теологии. После падения монархии он оставил Вену и переехал в Прагу, где преподавал в Карловом Университете с 1920 по 1938 г. (впрочем, приказ о назначении его профессором встретил ожесточенное сопротивление в чешских кругах из-за его близких связей с австрийским императорским двором). Уже через год после вступления в должность в Праге Мусил способствовал открытию там Восточного института. Помимо австрийских орденов и титулов ученый был обладателем большого количества международных наград.

Во всех своих начинаниях Мусил пользовался поддержкой бедуинского племени руала, самого большого и могущественного в Северной Аравии. В сопровождении представителей этого племени, в задачи которых входили оказание помощи и защита экспедиции от нападений местных жителей, он путешествовал по большей части страны. Вместе с географическими, топографическими и картографическими записями исследователь документировал и свои этнографические наблюдения, которые впоследствии изложил в труде «The Manners and Customs of the Rwala Bedouins» (1928). В некоторых путешествиях его сопровождал «давний и проверенный попутчик» – фельдфебель австро-венгерской армии Р. Томасбергер из Венского военно-географического института. Результатом их совместных экспедиций стало составление точной карты пустынь Северной Аравии.

О высокой международной оценке трудов Мусила свидетельствует тот факт, что он был назначен британцами экспертом по спорным границам после саудовско-йеменской войны, а в 1910 г. османское правительство пригласило его помочь в картографических работах в процессе строительства железной дороги в Хиджазе. Австрийская сторона привлекала его к разнообразным исследованиям на Ближнем Востоке.

Мусил принадлежал к числу тех исследователей, которые помимо чисто академической работы были вовлечены в политику и разведывательную деятельность. Он неоднократно принимал участие в официальных и тайных миссиях по поручению самого императора. Ученый привозил из своих поездок не только богатый научный материал, но и информацию, имевшую большое значение для внешней политики Австро-Венгрии. Например, в своем отчете о поездке в район обитания племени руала Мусил представил «собственную оценку политической ситуации в тех областях Османской империи, в которых еще не был окончательно установлен мир, и обратил внимание компетентных лиц на отправные точки для возможного приобретения Австро-Венгрией осязаемой политической роли на Арабском Востоке» [Sturm, 2011, S. 108].

Несмотря на то что Мусил был занят обработкой материалов своих исследований, в 1912 г. он согласился сопровождать принца Сикста Бурбон-Пармского[6] в его путешествии из Дамаска в Багдад, надеясь во время этой поездки продолжить начатые ранее исследования в Пальмире, а также уточнить топографические карты региона вплоть до Евфрата. Эта экспедиция дала начало многолетней дружбе между принцем и Мусилом, который близко познакомился с семьей Бурбон-Пармского, а значит, и с наследником австрийского престола Карлом и его женой Зитой.

---

[6] Бурбон-Пармский, Сикст Фердинанд Мария Игнацио Альфред Роберт (1886–1934) – старший сын последнего герцога Пармского Роберта I из младшей ветви династии Испанских Бурбонов (в настоящее время правящая семья Великого Герцогства Люксембург) и инфанты Португалии Марии Антонии. Во время Первой мировой войны в 1917 г., будучи офицером бельгийской армии, Сикст стал посредником в попытке его шурина, австрийского императора Карла I, провести тайные переговоры с Францией о возможности заключения сепаратного мира для выведения Австро-Венгрии из войны. Переговоры закончились неудачей, о них стало известно в 1918 г., а вся история получила известность как «дело Сикста».

В 1914–1915 гг. по заданию немецкого и австро-венгерского правительств он занимался улаживанием разногласий между турецкими властями и вождями арабских племен, дабы предотвратить участие последних в Первой мировой войне (т.е. действовал как своего рода антипод Лоуренса Аравийского) [Bernleithner, 1976. S. 2]. В 1917 г. по поручению военного министерства он присоединился к миссии эрцгерцога Хуберта Сальвадора в Константинополь и другие крупные города Османской империи. Целью поездки было получение информации об условиях жизни граждан Австро-Венгрии в этом регионе и установление новых дипломатических связей. Мусил рассчитывал использовать данную поездку, в частности, для получения поддержки основанного им в 1916 г. Общества востоковедов.

«Так как в число членов общества входили, среди прочих, крупные фирмы и промышленные предприятия, а также ученые (профессора университетов и члены Императорской академии наук), – считает Штурм, – то Мусил создал весьма серьезную организацию» [Sturm, 2011, S. 109].

После смерти императора Франца Иосифа в 1916 г. и восшествия на престол Карла I Мусил получил возможность оказывать большое влияние на императорскую чету и привлекаться к выполнению всякого рода деликатных дипломатических и разведывательных поручений. Действовать ему приходилось крайне осторожно, ведь их выполнение было сопряжено для него с многими опасностями. Об этой тайной стороне деятельности Мусила известно очень мало. Он был одним из главных фигурантов «дела Сикста» (см. выше примеч. 7). По этой причине после 1918 г. в немецких националистических кругах ученого считали «предателем» [Sturm, 2011, S. 109].

После войны Алоис Мусил преподавал в пражском Карловом университете, в 1938 г. вышел на пенсию и поселился в деревне Отрыбы близ города Ческе-Штернбек в Центральной Богемии, где и скончался в 1944 г.

ТРУДНЫЙ ПРОТЕЖЕ

Среди ярких исследователей Южной Аравии той эпохи был еще один заслуживающий упоминания ученый, как и Мусил, не являвшийся учеником Мюллера, но ставший его «трудным протеже». Это был Эдуард Глазер.

Эдуард родился в марте 1855 г. в местечке Дойче-Руст (ныне Подборжанский Рогозец, Чешская Республика, район Лоуни Устецкого края)[7]. Воспитываясь в малообеспеченной еврейской семье, он в детстве посещал занятия в младшей школе (Unterrealschule). Поскольку его родители не могли позволить себе обеспечить дальнейшее образование мальчика, в 16 лет Эдуард должен был начать работать, однако он отказался и против воли родителей уехал учиться в Прагу. В средней школе (Oberrealschule) Глазер, помимо знакомства с основными дисциплинами, самостоятельно выучил многие языки: французский, английский, испанский, итальянский и арабский. Путевые заметки разных путешественников, чтение которых вызывало у него особый интерес, пробудили в Глазере желание самому стать исследователем.

«Глазер постепенно терял интерес к школе, – пишет Штурм, – после нескольких неприятных инцидентов он по собственному желанию оставил ее, не получив свидетельства об окончании, и предпринял свое первое путешествие, летом 1873 г. пройдя практически пешком всю дорогу до Парижа» [Sturm, 2011, S. 91].

В конце концов, Глазер все-таки окончил школу, а затем пражский политехникум. В 1877 г. он поступил в Венский университет, где стал изучать одновременно арабистику и астроно-

[7] Такая дата проходит во всех энциклопедиях и в диссертации Штурм, однако в 1987 г. австрийский востоковед Вальтер Досталь разыскал в архивах свидетельство о рождении, согласно которому Эд. Глазер родился 2 марта 1852 г. в соседнем городке Помайсл (ныне Непомышль) [Monamy, 2014, S. 3].

мию, а через два года получил место ассистента в обсерватории. В это время произошла встреча с Д.Г. Мюллером – событие, ставшее определяющим в дальнейшей судьбе ученого.

«Приват-доцент Мюллер заинтересовал молодого студента Эдуарда Глазера сабеистикой и подтолкнул его к исследованию Южной Аравии» [Sturm, 2011, S. 91]. Уже в этот период Глазеру несколько раз предлагали участие в научных экспедициях в различные страны, но он отказывался, так как их интересы и цели не соответствовали его собственным.

Именно Мюллер первым начал собирать деньги на экспедицию для Глазера, а также готов был бесплатно читать для него лекции по химьяритским надписям. Однако в 1880 г. Эдуард прервал обучение в университете, чтобы занять место домашнего учителя австрийского генерального консула Теодоровича в Тунисе: ему представлялось важным как можно скорее воочию ознакомиться с обычаями и языком арабов. В начале 1882 г. он переезжает из Туниса в Александрию, но в октябре уже начинает полевую работу в Южной Аравии, где посещает множество интересных объектов.

Для финансирования этой первой экспедиции Глазера Мюллер опять попытался собрать в Вене определенную сумму, но смог собрать только 1250 флоринов. Столь незначительный размер помощи – в сочетании с известием, что Мюллер в 1881 г. отправил в Южную Аравию другого своего ученика, Зигфрида Лангера (1857–1882), – разочаровали Глазера, который почувствовал себя обманутым и даже преданным. В конце концов, Мюллеру удалось склонить Академию надписей и изящной словесности в Париже к выделению на первую поездку Глазера 6000 франков, но лишь с тем условием, что ее научные результаты должны будут перейти в собственность Академии. Тем не менее в предисловии к изданию своей коллекции сабейских надписей Глазер лишь бегло упомянул Академию, а роль Мюллера как посредника вообще оставил без какого-либо упоминания. Всего Глазер совершил четыре экспедиции в Южную Аравию: октябрь 1882 – март 1884; апрель 1885 – февраль 1886; октябрь 1887 – сентябрь 1888 и январь 1892 – весна 1894 [Weber, 1909]. Во время третьей экспедиции он сумел добраться до Мариба, где собрал свыше тысячи фрагментов химьяритских и сабейских надписей и сделал несколько весьма важных географических открытий, за что в 1890 г. Грайфсвальдский университет удостоил его звания доктора философии *honoris causa*.

В более поздние годы Глазер все чаще обращался к австрийским учреждениям с просьбами о содействии его начинаниям. Как сообщает сам Мюллер: «Г-ну Глазеру по моему предложению и рекомендации неоднократно была оказана поддержка». В действительности, однако, нельзя сказать, чтобы австрийская сторона заметно поддерживала Глазера финансами. Эдуард сетовал: «С момента моего разрыва с Мюллером (1881 г.) я только дважды получил поддержку из Вены: пятьсот флоринов золотом от его Величества императора ... потом 800 флоринов бумажными деньгами от министерства образования» [Sturm, 2011, S. 92]. Так или иначе, ученый был весьма недоволен тем, что, несмотря на отсутствие (по его мнению) серьезной поддержки со стороны Мюллера, последний изображал себя в Австрии главным его благодетелем.

Тем временем Глазер вступил в конфликт со многими европейскими учеными, что привело к тому, что в последующие годы жизни он, как правило, был вынужден примерять на себя роль аутсайдера. Вторую и третью экспедиции ему пришлось финансировать преимущественно за счет продажи привезенных из прежних поездок антикварных и этнографических ценностей, а также рукописей[8].

[8] На вторую поездку он получил только 800 флоринов от австрийского министерства образования, на третью – 1800 марок из 25 000 от Прусской академии наук и только на четвертую 8000 флоринов выделило Пражское общество содействия немецкой науке, искусству и культуре в Богемии (Prager Gesellschaft zur Förderung deutscher Wissenschaft, Kunst und Litteratur in Böhmen [Weber, 1909, S. 10, 12, 23].

Вскоре после возвращения из третьей поездки Глазер предложил австрийскому правительству устроить в Йемене австрийскую колонию. Беспокоясь о будущем еврейского народа, он какое-то время пропагандировал идею размещения в Южной Аравии также еврейской колонии и посвятил в свои планы некоторых идеологов сионизма (основателя «Еврейской ассоциации колонизации» барона Мориса фон Гирша и основателя Всемирной сионистской организации Теодора Герцля), однако в ходе контактов с этими деятелями постепенно дистанцировался от сионистских воззрений.

В этот период между двумя исследователями Южной Аравии – Мюллером и Глазером – установилась почти пожизненная вражда. Причиной ее стали не только финансовые проблемы, но и другие конфликты: столкновения вокруг смерти Зигфрида Лангера, убитого и ограбленного проводником-арабом в 1882 г. во время экспедиции в Южную Аравию, и критические выпады Глазера против изданной Мюллером в 1884 г. «Географии Аравийского полуострова» Абу Мухаммада аль-Хамдани. Кроме того, как отмечает Штурм: «Уже существовавшее напряжение усугублялось нежеланием Глазера передавать найденные им надписи на редактирование Мюллеру, а также его жесткой критикой в адрес Южноаравийской экспедиции» [Sturm, 2011, S. 93]. «Этап жизни Глазера, ознаменованный его первыми научными достижениями, – сообщает автор диссертации, – был омрачен конфликтом с его первым учителем – Давидом Мюллером. Этот конфликт никак не способствовал реализации мечты Глазера о продвижении в научной карьере» [Sturm, 2011, S. 94].

Ученый планировал издание большой карты Южной Аравии. Реализация этой задачи шла двумя путями: через максимально точную фиксацию сведений о ранее исследованных областях и через описание районов, в которых прежде никто не бывал. В связи с этим проектом Глазер заинтересовался трудом аль-Хамдани, изданием которого в то время уже занимался Мюллер. Этот труд помогал находить параллели между топонимами, упомянутыми в древних надписях, и современными для того времени географическими названиями. Глазер встретил двухтомное издание Мюллера многочисленными критическими замечаниями, а позже «на основании собственных исследований» назвал работу Мюллера «малонадежной». Критикует Глазер и то, что ни ему самому, ни Лангеру Мюллер не предоставил возможности ознакомиться с оригиналом рукописи «Географии» аль-Хамдани до издания книги.

Из записей Глазера видно также, что он ревновал Мюллера к покойному Лангеру, за гибель которого подверг его ожесточенной критике. Он обвинял Мюллера в том, что Лангер был отправлен в Аравию с недостаточными средствами и небрежно собранными припасами. Мюллер же считал эти обвинения абсолютно голословными. Еще один конфликт между ними был связан с тем, что собранные в путешествии 1885–1886 гг. надписи и предметы Глазер продал Императорскому музею в Берлине, выразив желание, чтобы публикацию этих материалов подготовили немецкие ученые. Но, к своему большому удивлению, в июне 1886 г. он узнал, что изданием на самом деле занимается «господин профессор Давид Мюллер из Вены». Попытка Глазера сохранить за собой право издания без участия Мюллера обернулась неудачей, поэтому дальнейшие работы по сабейским надписям ему приходилось готовить самостоятельно.

Лишь за несколько месяцев до смерти Глазер «зарыл топор войны» с Мюллером, который писал, что «нескольких часов хватило, чтобы избавить Глазера от груза сомнений, одолевавших его в течение десятилетий, и вновь добиться искренней симпатии» [Sturm, 2011, S. 97].

В ходе своих путешествий Глазеру удалось установить в Йемене хорошие контакты с местным населением и турецкими властями. Уже во время первой экспедиции он сумел преодолеть первоначальное нежелание местной администрации сотрудничать, которое во многом было обусловлено трагической гибелью Лангера. Однако власть турок распростра-

нялась только до северных городов Йемена, остальная часть страны находилась вне зоны их контроля. Глазер совершил четыре поездки в эти труднодоступные районы. «Успех ему принесли глубокие познания в астрономии, географии, – справедливо считает Штурм, – и не в последнюю очередь великолепное владение арабским языком» [Sturm, 2011, S. 98].

В ходе поездок Глазер быстро понял, что лично осмотреть все интересующие его места и объекты невозможно. Поэтому он регулярно опрашивал местное население, а результаты опросов снова и снова проверял с помощью все новых информантов. Он набирал отряды, отправлял их на поиски еще не исследованных городищ и даже обучал местных жителей распознавать памятники. Выработанные Глазером принципы на многие годы вперед определили методологию исследований в Южной Аравии. Экспедиция Мюллера (1898–1899) также пользовалась услугами обученных Глазером йеменцев.

Одну из своих поездок на юг Аравии Глазер совершил вместе с известным французским востоковедом, филологом и археологом Жозефом Галеви (1827–1917), который намного раньше, еще в 1869–1870 гг., открыл в Йемене 686 сабейских надписей и пытался их расшифровать и интерпретировать.

Как и Мюллер, Глазер ставил перед собой задачу собрать материалы по современным южноаравийским языкам. К четвертому путешествию относятся краткие заметки о грамматике языков махри, шахри и сокотри. Однако работы Глазера неоднократно подвергались критике за непродуманный характер многих тезисов. В течение всей своей карьеры ему приходилось чувствовать себя крайне мало признанным ученым. Он не только никогда не получил ученой степени, но даже не закончил должным образом учебу.

«Презрение со стороны официальной науки вело к постоянно растущему отчуждению и озлоблению, которое хорошо заметно в его сочинениях, – заключает Штурм. – Полемика, которую вел Глазер, зачастую связана не с объективной оценкой научных фактов, а с личностной подоплекой» [Sturm, 2011, S. 99]. Когда в 1892 г. Глазер предпринял четвертое путешествие по Аравии, он, проникнув из Адена в глубь страны, сделал съемку местностей, лежащих между Хадрамаутом и Меккой, собрал еще около 800 надписей, множество старинных арабских рукописей, равно как и ценные материалы по местным арабским диалектам. Труды Глазера в этой области составили эпоху в изучении древностей Аравии. Кроме того, им были исследованы древние южноаравийские храмовые законы.

Глазер оставил после себя чрезвычайно богатое научное наследие, хранителем которого стал Д.Г. Мюллер. Крупным собирателем научного наследия Глазера стал также Г. Ландау (1869–1926)[9]. Коллекция Глазера включает в себя множества фрагментов надписей, несколько рукописей и 17 дневников с географическими, этнографическими, астрономическими и лингвистическими записями. Современные эпиграфисты вплоть до недавнего времени еще работали над расшифровкой его эстампажей.

Эдуард Глазер скончался в Мюнхене в 1908 г.

ТАЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАЗЕРА

Так же как и Мусил, Глазер вел некую тайную деятельность, которой, похоже, был весьма увлечен. Как и в случае с чехом, о «втором лице» ученого существует очень мало информации, но его интерес явно распространялся на сферу гораздо более широкую, чем изучение памятников древней письменности. Однако дипломатическая, военно-дипломатическая и разведывательная активность Глазера была еще более экзотична, чем у Мусила. Оказывается, этот австрийский путешественник, арабист, сабеист и археолог, один из первых собирателей эпиграфических памятников Южной Аравии поддерживал, судя по обнаруженным нами

[9] https://www.geni.com/people/Dr-Phil-Horace-von-Landau/6000000016928386145

архивным документам, доверительные отношения еще и с руководством Министерства иностранных дел Российской империи, которому оказывал некоторые деликатные услуги (!). Впрочем, это не было удивительным для той эпохи и для той среды, в которых он жил.

Свет на эту сторону деятельности Глазера проливает переписка, хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи. Исключительный интерес представляют два отобранные мной для этой статьи секретных (!) письма на французском языке, адресованных Глазером российскому министру иностранных дел Михаилу Николаевичу Муравьёву[10] [*АВПРИ*, ф. Политархив. д. 991, л. 110–116]. Вот первое из них:

«Секретно.

Мюнхен, 14 ноября 1898 года.

Ваше Превосходительство господин Министр!

Хотя я не имел чести получить ответ на мое нижайшее послание, я беру на себя смелость снова писать Вашему Превосходительству в связи с получением из Йемена мною и другими лицами новостей, которые делают направленное мною Вашему Превосходительству ранее устаревшим. В нынешней ситуации ту информацию не следует принимать во внимание. По вновь полученным сведениям (из Саны и Ходейды) все побережье Йемена к северу от Ходейды до Конфуды (главного порта санджака Асир)[11] находится точно так же, как и внутренние прилегающие районы, в руках восставших. Следовательно, на этом западном побережье может вестись любая контрабанда. Если взять во внимание то, что и все районы к северу и востоку от столицы Сана находятся в состоянии непрерывного восстания и что даже в столице царит ужасный голод, становится очевидно, что для турецких войск не остается никакой возможности вновь стать хозяевами страны.

В этой обстановке не представляется целесообразным, чтобы войска занимались удаленными внутренними районами, которые никогда по-настоящему не принадлежали туркам, или проявляли беспокойство в отношении лиц, о которых я упоминал в своем нижайшем послании и которые, несомненно, работают в районах, ставших еще менее доступными для турок, чем они были до начала восстания, антитурецкий характер этих районов исключает или, по крайней мере, делает избыточной любую политическую акцию. Даже в три раза более многочисленным, чем сейчас, войскам с трудом удастся удержать контроль над побережьем, которое имеет гораздо более важное значение, чем внутренние области. Продолжение военных действий представляется мне ненужным для Турции, и только искусство дипломатии смогло бы помочь в решении проблемы.

Не разбираясь в дипломатии, я не могу заниматься событиями, зашедшими так далеко и более непоправимыми, чем я предполагал. Мне остается лишь нижайше просить Ваше Превосходительство подправить мое предыдущее послание в тех местах, где оно могло бы быть полезно. Я боюсь ответственности за то, что представил неполную информацию или не сообщил Вашему Превосходительству вышеупомянутые новые сведения, придающие совершенно другое освещение данной проблеме. Речь идет не о личности, которая могла бы служить одним из инструментов арабо-английской политики, а скорее о четко очерченной и важной политической ситуации.

Осмеливаюсь выразить Вашему Превосходительству, не ожидая ответа на письмо, просьбу рассматривать это послание как секретное и почти целиком аннулирующее предыдущее.

Примите, г-н министр, уверения в моем совершеннейшем почтении.

Нижайший и послушнейший слуга Вашего Превосходительства д-р Эдуард Глазер».

Еще больше поражает второе письмо Глазера Муравьёву:

---

[10] Муравьёв Михаил Николаевич (1845–1900), министр иностранных дел (1897–1900).

[11] Ныне Эль-Кунфуда (Саудовская Аравия).

«Секретно.

Срочно.

Мюнхен, 19 ноября 1898 г.

Ваше Превосходительство,

Разрешите мне, господин Министр, дополнить несколькими скромными замечаниями письмо, которое я имел честь адресовать Вашему Превосходительству 14 ноября, так как дело, в котором мне, к сожалению не будучи дипломатом, удалось бы достичь ясности лишь постепенно, мне представляется важным и срочным.

Факты таковы:

1) 26 октября 1898 г. г-н Ландберг и г-н Мюллер отплыли из Триеста в Египет на судне компании Ллойд;

2) Говорят, что остальные члены научной экспедиции отбудут из Триеста позже;

3) Небольшое специальное судно “Готфрид”, принадлежащее экспедиции, прошло через Суэцкий канал 1 или 2 ноября и, вероятно, вышло из Суэца 3 или 4 ноября, возможно с Ландбергом и Мюллером на борту, тогда как остальные члены экспедиции, наверно, направились прямо в Аден;

4) Племена, населяющие побережье Красного моря в районе между Конфудой и Ходейдой, продолжают восстание, а “Готфрид”, имеющий случайно близкое сходство с одним из судов Оттоманского табачного управления, осуществляющих контроль за контрабандой табака на побережье Йемена (а именно с судном “Нур эль-Бахр”), мог войти в один из портов на этом побережье;

5) Таким образом, существует возможность, что г-н Ландберг 7 или 8 ноября проник в Йемен через один из портов на восставшем побережье и что он совершит переход не из Адена на север, а напротив, с севера через земли имама Хамид эд-Дина, Джоф, Мариб, Хариб, Бейхан до Адена или Хадрамаута.

Вероятность этого меняет всю ситуацию. В случае, если это подтвердится, а это легко можно проверить в Йемене, данный факт послужит доказательством того, что турецкое влияние уже ограничено треугольником Ходейда – Сана – Баб-эль-Мандеб. Научная экспедиция может оказаться в большой опасности в районе восстания, если только случайно восставшие не отнесутся к ней дружелюбно. Оттоманское правительство, не обладая никакой властью в районе восстания, не сможет оказать экспедиции эффективной помощи.

Однако мне представляется, что оно должно сделать все возможное, чтобы обеспечить, по крайней мере, личную безопасность этих столь же ловких, сколь и неосторожных исследователей, посоветовав всем главам племен, сохраняющих верность турецкому правительству, помогать путешественникам и ни в чем им не препятствовать; так как другая позиция в этом вопросе, тем более, если с экспедицией произойдет какое-то несчастье, может способствовать тому, что в нем будут обвинены оттоманские власти, а это вызовет немедленную потерю остающейся части провинции. Если бы экспедиция следовала из Адена, ее можно было бы спасти, запретив, к примеру – в Бейхане, двигаться в восставшие области. Но если миссия уже успела проникнуть, пусть даже со стороны, противоположной ожидаемой, в восставшие районы, в этом случае оттоманские власти не должны стараться закрыть проход в Бейхане или другом месте. Закрытие входа на Красном море или в Бейхане было бы безупречным актом политической мудрости, однако закрытие выхода может рассматриваться как враждебный акт. Это было бы casus belli, и ничто не могло бы повредить интересам Турции более, чем неожиданная война с Англией, приготовления к которой могли бы частично затронуть Аравию. Это ускорило бы установление английского протектората, так что другие державы не успели бы согласовать свои действия и даже не имели бы времени на размышление.

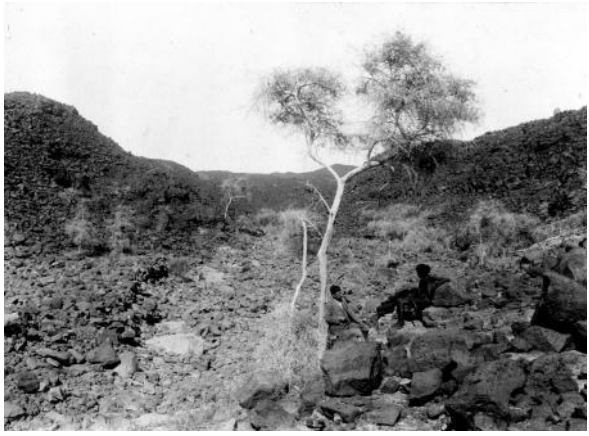

Рис. 1: Местность в районе Бальхафа (Йемен). 29.09.1898

С моей нижайшей точки зрения, пока существует лишь один возможный путь частичного восстановления политического положения в Йемене, а именно: немедленно и секретно послать туда лиц, имеющих прекрасные отношения с главами племен и знающих местные язык и топографию. По крайней мере, высшая дипломатия благодаря этому выиграла бы время. Зная, что таких людей очень немного – а речь идет о крайне важном деле – я бы с большим удовольствием оказал подобную услугу оттоманскому правительству, хотя еще не вполне оправился от болезни. Таким образом, я осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство секретно переправить мое предложение в Константинополь. Если оно будет принято, я втайне немедленно отправлюсь в Константинополь, причем если Ваше Превосходительство выразит желание встретиться со мной до этого, что представляется мне весьма полезным, поскольку эта встреча дала бы мне возможность лично обсудить с Вами второй вопрос, также запутанный, но важный для Аравии и способный оказать большое влияние на перегруппировку держав, я выберу путь через Россию.

Во всяком случае, если даже Ваше Превосходительство не соизволит любезно передать мое предложение, я осмелюсь просить Вас конфиденциально (если возможно – через шифрованную депешу в адрес Русского Посольства в Константинополе) передать высочайшему Оттоманскому правительству мое настоящее послание. Ведь я хочу предостеречь власти вилайета от неправильных поступков, которые они могли бы предпринять в случае получения от арабов со стороны сведений (что, скорее всего, и произойдет) о передвижениях миссии, особенно если она действительно проникла туда через один из портов на Красном море.

Поскольку в ближайшее время я рассчитываю посетить Берн, где пробуду несколько дней, я осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство послать ответ (письмом, а лучше шифрованной депешей) через посредство господина Императорского министра России в Швейцарии или главы дипломатической миссии. Я буду иметь честь явиться в миссию, не сообщая, однако, о чем идет речь, если только Ваше Превосходительство не соблаговолит проинформировать сотрудников миссии или дать мне разрешение сообщить о моем деле.

Примите уверения в моем совершеннейшем уважении и полной преданности Вашему Превосходительству.

Нижайший и послушнейший слуга д-р Эдвард Глазер.

Прилагается план местности, о которой идет речь в письме».

Текст этих писем говорит сам за себя. Помимо них имеются и другие свидетельства вовлеченности Глазера в международные интриги, для понимания которых необходимо сказать

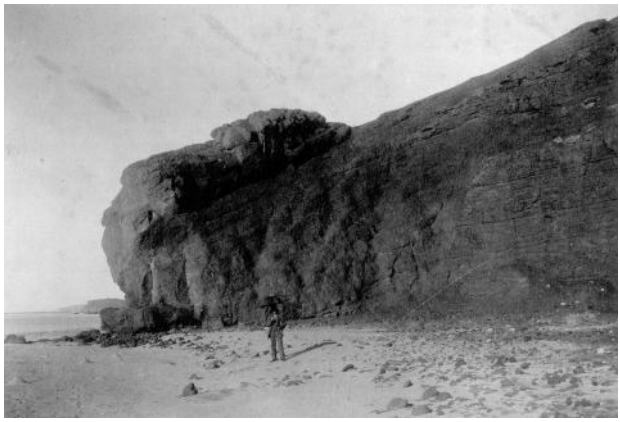

Рис. 2: Береговой уступ (клиф), образованный морским прибоем, подмывающим склон вулканического конуса ат-Табаб в районе Бальхафа и Бир-Али (Йемен)

несколько слов об отношениях двух империй – Российской и Австро-Венгерской – в тот период времени. По справедливому заключению В. Мюллера и О.В. Павленко, «на рубеже XIX–XX вв. снова наметилась траектория к дипломатическому сближению Вены и Петербурга» [Мюллер, Павленко, 2019, с. 86], чему способствовали два фактора. Первым из них, отмечают авторы, было обострение отношений России с Османской империей, а надежды Петербурга на Францию не оправдывались, так как последняя, вложив в османскую державу немало средств, была заинтересована в ее стабильности. Второй фактор – возможность совместных действий Австрии с Германией, влияние которой на Босфоре явно возрастало. Хотя Вене и Петербургу удалось договориться по отдельным спорным вопросам, четко обозначились пределы их сотрудничества. В критском кризисе 1896–1898 гг. Вена поддержала линию своего германского союзника, и не случайно тогда новый министр иностранных дел России, а именно тот самый М.Н. Муравьёв, с которым, вероятно, имел связь австрийский востоковед, сказал о политике Австро-Венгрии на Балканах следующее: «Австрия боится всех и каждого, сбыточного и несбыточного…, взрыва национальных чувств в занимаемых ею провинциях – взрыва, будто бы провоцируемого нашей печатью» [Мюллер, Павленко, 2019, с. 88]. Тем не менее, как мы видим, Глазер довольно уверенно просит российского министра передать содержание его секретной депеши по дипломатическим каналам османскому правительству. Услуга за услугу или что-то еще? Впрочем, я не выяснил, как отреагировал Муравьёв на просьбу Глазера. Нет у меня и убедительных аргументов в пользу того, что Глазер являлся российским агентом, причем состоявшим «на связи» у самого министра иностранных дел Российской империи. Однако более подробное рассмотрение этой темы выходит за рамки моей статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматриваемый период, продолжавшийся с конца XIX в. вплоть до Первой мировой войны, был «золотой эпохой», временем расцвета австрийской школы южноаравийских исследований. Австрийские востоковеды – лингвисты, историки, эпиграфисты и ученые других специальностей – внесли серьезный вклад в изучение Юга Аравии, и их работы сохраняют значимость для мировой, в том числе российской, науки. Особую ценность представляют труды Южноаравийской экспедиции Австрийской императорской академии наук. Австрийские ученые в то далекое время рискнули работать «в поле» в очень трудных климатических и политических условиях, взаимодействуя с враждующими между собой

Рис. 3. 3 марта 1899 г. высшая точка Сокотры гора Джебель Ди-Риет, 1420 м (горы Хагхер, по совр. данным 1505 м https://bigenc.ru/geography/text/3633733)

йеменскими племенами, из среды которых им удавалось отобрать и привлечь к сотрудничеству весьма результативных информантов. Успеху экспедиции помогала высокая квалификация австрийских ученых, их глубокое проникновение в предмет исследования и творческое увлечение им. Этому не смогли серьезно помешать сложные личные отношения между участниками экспедиции, амбиции, разногласия, соперничество и взаимная неприязнь, которые разобщали их. Обращает на себя внимание тот факт, что данная работа поддерживалась австрийским государством, точно так же как в наше время, в нашей стране поддерживается государством через различные фонды (РНФ, РГНФ, РФФИ) работа российских ученых на острове Сокотра, которым удалось в этой области вывести отечественное востоковедение на лидирующие позиции в мировой науке.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Moscow].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Глазер Э. – Муравьёву М.Н. 14 ноября и 19 ноября 1898 г. *АВПРИ*. Ф. Политархив. Д. 991. Л. 110–116 [*Glaser E. to Muravyev M.N.* Novemer 14 and November 19, 1898. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire*. Fund: Politarchive. File 991. Pp. 110–116 (in Russian)].

Мюллер В., Павленко О.В. Глава 3. Россия и монархия Габсбургов в 1853–1914 гг. *Россия – Австрия. Вехи совместной истории.* М.: Аспект Пресс, 2019. С. 69–96 [Müller V., Pavlenko O.V. Chapter 3. Russia and the Habsburg Monarchy in 1853–1914. *Russia – Austria: Milestones of Common History.* Moscow: Aspect Press, 2019. Pp. 69–96 (in Russian)].

Наумкин В.В. *Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.).* М.: ЯСК, 2012 [Naumkin V.V. *Islands of the Soqotra Archipelago (Expeditions of 1974–2010)*. Moscow: YaSK, 2012 (in Russian)].

Наумкин В.В. Австрийские пионеры южноаравийских исследований. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 207–226 [Naumkin V.V. Austrian Pioneers of South Arabian Studies. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 207–226 (in Russian)].

Наумкин В.В., Порхомовский В.Я. *Очерки этнолингвистики Сокотры*. М.: ГРВЛ, 1981 [Naumkin V.V., Porkhomovsky V.Ya. *Essays of the Ethnolinguistics of Soqotra*. Moscow: GRVL, 1981 (in Russian)].

Berezkin Yu., Cherkashin D., Kogan L., Naumkin V. Motifs of Soqotri Narratives: Towards a Comparative-Typological Analysis. *Aula Orientalis*. Vol. 2, No. 34. 2016. Pp. 201–243.

Bernleithner E. Musil Alois. *Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*. 1976. Bd. 7. S. 1–2. https://biographien.ac.at/ID-0.3038634-1

Bury G.W. Arabian Pioneer. *Proceedings of the 16th Seminar for Arabian Studies*. Vol. 13. London, 1983. Pp. 93–100.

Kogan L. Soqotrano–Biblica. *Vetus Testamentum*. 2020. Vol. 70. Pp. 245–269.

Leslau W. *Lexique Soqotri (sudarabique moderne) avec comparaisons et explications etimologique.* Paris: Kincksieck, 1938.

Musil A. *The Manners and Customs of the Rwala Bedouins*. New York: American Geographical Society, 1928.

Müller D.H. *Die Mehri- und Soqoṭri-Sprache. I. Texte.* Wien: Alfred Hölder, 1902 (Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Südarabische Expedition. Bd. IV) https://archive.org/details/bub_gb_lhYUAAAAYAAJ/mode/2up

Müller D.H. *Die Mehri- und Soqoṭri-Sprache. II. Soqoṭri-Texte.* Wien: Alfred Hölder, 1905 (Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Südarabische Expedition. Bd. VI).

Müller D.H. *Die Mehri- und Soqoṭri-Sprache. III. Šhauri-Texte.* Wien: Alfred Hölder, 1907 (Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Südarabische Expedition. Bd. VII) https://archive.org/details/bub_gb_pxM7AQAAMAAJ/page/n1/mode/2up.

Monamy E. Eduard Glaser der unterschätzte Orientalist. Sein Weg von Böhmen über den Jemen ins KHM. *Conference held January 23rd 2014 in the Kunsthistorisches Museum / Vienna*. https://www.academia.edu/6182662/Eduard_Glaser_der_unterschätzte_Orientalist_Sein_Weg_von_Böhmen_über_den_Jemen_ins_KHM

Naumkin V., Kogan L., al-Da'rhi 'Isa, al-Da'rhi Ahmad, Cherkashin D., Bulakh M., Vizirova E. *Corpus of Soqotri Oral Literature.* Volume 76 in the series Semitic Languages and Linguistics. Corpus editor Vitaly Naumkin, Volume editor Leonid Kogan. Volume 1. Leiden: Brill, 2014.

Naumkin V., Kogan L., al-Da'rhi 'Isa, al-Da'rhi Ahmad, Cherkashin D., Bulakh M., Vizirova E. *Corpus of Soqotri Oral Literature.* Volume 95 in the series Semitic Languages and Linguistics. Corpus editor Vitaly Naumkin, Volume editor Leonid Kogan. Volume 2. Leiden: Brill, 2018.

Naumkin V., Kogan L., al-Da'rhi 'Isa, al-Da'rhi Ahmed, Cherkashin D. *Soqotri Texts in the Phonogrammarchiv of the Austrian Academy of Sciences. An Annotated Edition.* JSS Supplement 36. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Sturm G. Dissertation *"David Heinrich Müller und die südarabische Expedition der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften 1898/99".* Eine wissenschaftliche Darstellung aus Sicht der Kultur- und Sozialanthropologie Verfasserin Mag. Gertraud Sturm angestrebter akademischer Grad Doktorin der Philosophie (Dr. phil.) Wien, im März 2011. http://othes.univie.ac.at/13974/1/2011-04-04_0204017.pdf (Abrufdatum: 31.08.2020).

Sturm G. *David Heinrich Müller und die südarabische Expedition der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften 1898/99: [eine wissenschaftsgeschichtliche Darstellung aus Sicht der Kultur- und Sozialanthropologie]*. Wien: Verl. der Österr. Akad. der Wiss., 2015.

Weber O. Eduard Glasers Forschungsreisen in Südarabien. *Der Alte Orient. Gemeinverständliche Darstellungen herausgegeben von der Vorderasiatischen Gesellschaft*. Jahrgang 10, Heft 2. Leipzig, 1909. S. 5–32 https://archive.org/details/deralteorient03gesegoog/page/n159/mode/2up

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАУМКИН Виталий Вячеславович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Vitaly V. NAUMKIN, Full member of the Russian Academy of Sciences, Professor, DSc, President, Institute of Oriental Studies, RAS, Professor and Chair, Faculty of World Politics, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.